

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.37(470+571)

DOI: 10.17223/1998863X/35/8

Н.Ю. Кравченко

ТРЕХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Демонстрируются возможности применения авторской модели формирования гражданской идентичности на материале массовых опросов, проведенных крупными социологическими центрами Российской Федерации. В результате автор приходит к выводу об эвристическом потенциале предложенной модели. Спектр применения достаточно широкий: от исследования гражданской идентичности индивида до составления стратификационной структуры населения по критерию состояния гражданской идентичности.

Ключевые слова: модель формирования гражданской идентичности.

Формированию гражданской идентичности в нашей стране в последние годы уделяется повышенное внимание. Это обусловлено ее значением в процессе формирования граждан, соответствующих принципам гражданского общества, отличных от подданных СССР. Для того чтобы этот сложный многофакторный процесс был запущен, необходимо соблюдение определенных условий во внешней среде и определенные предпосылки на субъектном уровне. Рассмотрим их, применив трехкомпонентную модель формирования гражданской идентичности индивида и проанализируем ее возможности и ограничения.

Разрабатывая данную модель в теоретико-методологическом плане, мы опирались на трехкомпонентные структуры индивидуального субъекта (З.Фрейд, Э.Эриксон, О.Конт) и положения «Я-концепции» (И.С.Кон, Л.М.Митин, Т.Шибутани). Э.Эриксон идентичность трактует как сложное образование, представляющее собой многоуровневую структуру, повторяющую три базовых уровня анализа человеческой природы: индивидуальный, личностный и социальный.

Нашу задачу мы видели в акцентировке внимания на социальной природе гражданской идентичности, которую мы понимаем как социально обусловленное позиционирование индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности компонентов «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального».

Эмпирической базой исследования послужили данные массовых опросов, проведенных Аналитическим центром Юрия Левады, Российским союзом промышленников и предпринимателей; материалы исследования «Будущее России: взгляд из центра и регионов. Социальная сфера общества» (2006 г.), в котором автор принимал непосредственное участие.

В выборе данных по годам мы исходили из исследовательских задач и объекта исследования, так как в первую очередь нас интересует российская гражданская идентичность, а не динамика процесса¹.

Итак, рассмотрим компоненты модели формирования гражданской идентичности.

Первый компонент мы обозначаем как «Я – рациональное», он включает комплекс знаний о взаимоотношениях между гражданами, гражданами и государством. Л. М. Дробижева доказывает, что исторически в России сложилось понимание нации как этнокультурной общности. В постсоветское время «в политический и научный лексикон вошло понимание нации как граждан государства» [1], т. е. в настоящее время формируется именно государственно-гражданская идентичность.

В основании компонента лежит положительный или отрицательный опыт отстаивания прав и выполнения обязанностей, который усиливает или ослабляет уже сложившийся у гражданина образ взаимоотношений с гражданами и государством. Движущая мотивирующая сила этих действий – частный интерес, гегелевская формулировка: «Действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов» – останется неизменной [2. С. 20].

Должна сложиться ситуация рациональной заинтересованности в статусе гражданства, при которой выгодоприобретателями в результате становятся все граждане государства (Р. Вольф) [3. Р. 132]. Для возникновения и подкрепления гражданской идентичности необходимо, чтобы у индивидов были общие частные интересы, которые они хотели бы отстаивать, в первую очередь это касается предпринимателей. За последние годы показатель среднегодовой численности занятых в экономике в частной форме собственности (частной, иностранной и совместной российской и иностранной) на предприятиях увеличился с 2005 по 2014 г. на 5746,7 тыс. чел. [4]. Несмотря на это, роста числа предприятий малого и среднего бизнеса ожидать не стоит, Российский союз промышленников и предпринимателей делает неутешительные выводы о состоянии делового климата в России в 2014 г. [4].

Мы понимаем, что наши предположения об относительной независимости и большем свободолобии занятых не в бюджетной сфере, а в частной условны. Во-первых, формирование гражданской идентичности – сложный процесс, зависящий от многих факторов, например, фактор внутренней свободы не взаимосвязан с формой занятости и может оказать решающее влияние. Во-вторых, в ситуации негомогенной, мозаичной экономики (рыночной, раздаточной и т.д.) частные предприниматели могут быть зависимы не в меньшей степени, чем государственные служащие.

Также для формирования гражданской идентичности важна определенная экономическая независимость, гражданское общество начинается только то-

¹ Нас будут интересовать материалы за 1996–1999 гг. – конец ельцинской эпохи, период характеризуется относительной стабильностью в начале, кризисом 1998 г. и послекризисным 1999 г. Далее мы выбрали данные 2007 г., помимо того что это докризисный период, нас он привлекает возможностью сопоставления данных: вторичных и тех, в которых автор принимал участие; также рассмотрим данные за послекризисный 2010 г. Мы будем анализировать материалы за последние пять лет (2012–2016 гг.), при выборе года будем исходить из доступности информации.

гда, когда у граждан есть материальный достаток и досуг¹. Материальный достаток есть у 15,6 % россиян, помимо этого мы видим, что среднедушевой доход свыше 45 000 рублей в Саратовской области у 4,9 % населения, что в десять раз меньше, чем в столице (42,1 %) [4]. Большая гражданская активность отмечается у жителей крупных городов, яркий пример тому протестные движения (2011–2013 гг.). Несмотря на большой разрыв в материальном благосостоянии у жителей различных субъектов, однозначно говорить о взаимозависимости материального положения и гражданского поведения не приходится. Одним из парадоксов гражданского общества является слабая предсказуемость его развития и невозможность четкого прогноза развития. Как отмечал Й. Зигерт: «Экономический подъем может помешать развитию гражданского общества ничуть не меньше, чем экономический кризис» [5]. При этом если большая часть населения находится в режиме выживания, гражданские действия могут проявиться не в становлении гражданского общества, а в деструктивных и бесконтрольных процессах.

Необходимо рассмотреть, в каком качестве входит в компонент «Я-рациональное» представление о взаимоотношениях граждан и государства и соответствует ли оно требуемому. По мнению опрошенных, государство выполняет обязанности перед гражданами в меньшей мере, чем граждане перед государством. Такая ситуация не может не вызывать опасений, и мы понимаем, что «как только государство забывает о своём назначении, гражданин освобождается от политической обязанности» [6. С. 12]. Самый пространственный вариант ответа на вопрос: «В какой мере государство выполняет сейчас свои обязанности перед гражданами России?», его выбрал 41 % опрошенных в 2014 г. – «сколько выполняют, столько и не выполняют» [7. С. 46]. Изменение мнения опрошенных относительно выполнения государством обязанностей, считающих, что государство выполняет свои обязанности в полной мере, носит позитивную направленность, процент растет от 1 % в 1998 г. до 4 % в 2014 г., тем не менее остается низким [7. С. 46].

Рационально обусловленные взаимоотношения между гражданами страны и государством значимы для незначительного количества опрошенных. Мы видим, что с каждым годом все большее количество респондентов надеются только на самих себя – с 36 % в 1996 г. до 70 % в 2014 г. Несколько вырос процент рассчитывающих на родственников и друзей – с 54 % (1996, 2007, 2012 гг.) до 60 % в 2014 г. Количество опрошенных, полагающихся только на самих себя, выросло по сравнению с 1996 г. почти в два раза. На помощь общественных организаций в разные годы рассчитывали менее 1 % или максимум 1 %. Этот факт, что граждане не видят гражданского общества как силы, способной помочь, является очень важным показателем [7. С. 24]. Для того чтобы гражданская идентичность начала формироваться, необходим опыт взаимодействия граждан с общественными организациями, на данном этапе мы не видим даже интенции подобной практики.

¹ Далее было бы целесообразно показать мнение опрошенных – потенциальных граждан (имеющих частную собственность или финансовые накопления), но поскольку мы не располагаем такой информацией, будем говорить о мнении всех опрошенных ВЦИОМ и Левада Центром, за исключением исследования «Будущее России», здесь покажем данные по этой категории опрошенных.

Второй компонент гражданской идентичности мы обозначили «Я-психическое». Он включает различные чувства по отношению к гражданам, государству, стране, Родине, природе, землякам, стране, культурно-историческому контенту, которые можно подразделить следующим образом:

- чувство ответственности за страну, государство;
- переживания гордости или стыда, обиды, разочарования;
- ощущение пессимизма или энтузиазма [1].

Базовые чувства, присущие гражданину, отличающие его от подданного, – чувства уважения и равнодушия. Чувство собственного достоинства к 2014 г. немного окрепло, но показатель тем не менее остается низким (12 %). Чувство безразличия несколько уменьшилось, но испытывает его каждый четвертый (25 %). Ответственности за происходящее в стране респонденты практически не ощущают. Чувство гордости достигло не высокого, но рекордного показателя (11 %), по всей вероятности, это связано с фиксируемым исследователями всплеском патриотических настроений в связи с воссоединением с Крымом. Данные опроса свидетельствуют, что, несмотря на положительную динамику по некоторым показателям, настроение опрошенных довольно пессимистичное [7. С. 16].

Как было сказано выше, чувство уважения – основа гражданской идентичности. По мнению более половины респондентов (55 %, опрос августа 2014 г.), люди в России, в большинстве своем, относятся к себе с уважением [7. С. 16]. Этот результат можно трактовать как позитивный для развития гражданских практик.

Результаты опросов показывают, что у граждан России чувство гордости современной страной немного ниже, чем Россией в целом, в 2014 г. эти показатели были 22 % и 37 % соответственно [7. С. 16]. Однозначно сказать, что подобные различия могут быть вызваны недовольством настоящим государственным и общественным устройством, нельзя. Также они могут говорить о переживании ностальгии по ушедшим эпохам, будь то СССР или дореволюционная Россия.

В этой связи интересно посмотреть, чем именно гордятся соотечественники. Факторами, вызывающими гордость в наименьшей степени, оказались экономические достижения, облик городов и сел, политический строй. Таким образом, в 2006 г. большую гордость у населения вызывали достижения предыдущих поколений, эпох [8. С. 26].

Ниже мы бы хотели рассмотреть патриотизм как чувство, влияющее на формирование гражданской идентичности. Здесь важно сказать, что патриотизм – сложное социокультурное явление, его можно рассматривать как компонент гражданской идентичности и как независимое явление, если гражданская идентичность не может быть обнаружена.

По материалам опросов мы видим, что патриотизм понимается в большей степени как чувство любви к стране. Связывает патриотизм с действиями почти каждый третий (27 %) [7. С. 35].

Хотелось бы сделать замечание методологического характера, что при ответе на прямой вопрос: «Ощущаете ли Вы близость с гражданами России?» – достаточно большой процент опрошенных отвечает положительно. В исследовании, проведенном в 2006 г., в незначительной степени близость с

гражданами России ощущали 24,5 %, 66,9 % респондентов – в значительной степени [8. С. 26]. В опросе 2014 г. на вопрос, насколько близко респондент ощущает связь с гражданами страны, «70–80 % ответили, что чувствуют эту связь» [1]. За последние годы показатель этой интеграции сохраняется высоким, остается вопрос, каков эвристический заряд полученных данных? Критерий интеграции – абстрактная категория, что понимают респонденты под «близостью»? Формальную принадлежность? Готовность к совместным действиям? К объединению?

И третий компонент модели – «Я-телесное» позволяет выявить состояние социальной идентичности в сфере гражданственности. Основоположники теории социальной идентичности Г. Тэшфел и Д. Тернер определяли социальную идентичность как направление индивидуального знания о принадлежности к социальной группе [9]. Этот аспект мы понимаем не только как судьбину, неразрывную связь с местом проживания в различных масштабах (малая Родина, город, регион, страна), семьей, согражданами, нацией, национальной культурой и историей.

«Я-телесное» – это инкорпорированность индивида в ту или иную культуру, цивилизацию, нацию, страну через ощущение себя и на рациональном, и на психическом уровнях частью «тела» – партии, корпорации, местного сообщества, гражданского субъекта, имеющего право на активную позицию и реализующего его на законных основаниях.

Внутренняя уверенность граждан в том, что их действия могут повлиять на происходящее в стране, важна для создания установки на поведение. Процент считающих, что они определенно смогут повлиять на принятие решений в своем регионе, городе, районе, на протяжении представленных лет стремится к нулю (1 % в 2014 г.). В какой-то мере свою силу оказать влияние оценивает почти каждый пятый (18 % в 2014 г.). Подавляющее большинство уверены, что не смогут повлиять на решение – 41 % [7. С. 47]. Эти цифры дают нам основание полагать, что у граждан нет ощущения собственных сил, власти влиять на происходящее в стране.

С точки зрения методологии вызывает сомнение целесообразность объединения в одном вопросе региона, города и района, так как административные единицы существенно различаются по масштабу, что, скорее всего, приводит к значительному искажению данных [7. С. 47].

Как правило, благотворительность рассматривается как гражданская практика. Несмотря на то, что специалисты Аналитического центра Юрия Левады, интересуясь, оказывали ли опрошенные благотворительную помощь, спрашивали не только о личном участии, но и об участии членов семьи и просили вспомнить подобные практики за последние пять лет (значительный временной промежуток), полученные ответы свидетельствуют о слабо выраженных действиях [7. С. 26]. По всей вероятности, населению Российской Федерации еще долго предстоит преодолевать недоверие к фондам, собирающим пожертвования после опыта, полученного в 90-е гг. Этот вопрос не касается помощи на расстоянии «вытянутой руки», возможно, там значения были бы выше. Подавляющее большинство опрошенных не оказывают благотворительной помощи, не выступают в роли волонтера и донора (76 % в 2012 г. – самый высокий показатель, в 2014 г. ниже – 62 %). Волонтерами за

последние пять лет работали только 6 % (в 2014 г.), и это самый высокий показатель по годам. Отметим, что все больше людей откликаются на обращения через средства массовой информации о переводе денег для лечения граждан – 16 % в 2016 г. [7. С. 26].

Инкорпорированность в социальные структуры происходит в процессе решения личных проблем. Как показывают данные опросов, каждый пятый респондент считает, что никак не может добиться решения своих проблем. Опрошенные в 2014 г. видели выход в обращении в судебные органы – 41 %, в органы исполнительной власти – 25 % и средства массовой информации – 23 %. Несколько вырос процент, видящих смысл в поддержании политических акторов, обещающих решить их проблемы (от 10 % в 2010-м до 18 % в 2014 г.). Также постепенно прибавляется количество респондентов, принимающих участие в гражданских инициативах, хотя в целом он незначителен – 8 % в 2014 г. [7. С. 48].

Предлагаемая формулировка вопроса позволяет выявить мнение о более эффективных способах решения своих проблем. Ответы на вопрос, «Какие способы решения своих проблем Вы считаете наиболее эффективными исходя из опыта?», позволили бы точнее выявить ощущения действенности гражданских практик.

Телесная привязанность к социуму проявляется через участие в организациях и частную собственность. Формирование гражданской идентичности невозможно без ощущения ответственности в принятии решений, которые индивид критически осмысливает, опираясь на различную информацию, и апробации их в публичном пространстве. Для работы этого механизма должны быть востребованы право на свободу слова и получение информации. Выбор этих прав, как важных, колеблется в последние годы – своего пика эти показатели достигали в 2012 г., к 2014 г. они несколько понизились: 30 % и 20 % соответственно. Позитивным показателем для наполнения компонента «Я-телесное» выступает, на наш взгляд, незначительный, но поступательный рост показателя «право владеть собственностью» с 23 % в 1999 г. до 29 % в 2014 г. [7. С. 118]. Данный показатель особенно важен, так как в постсоветский период исследователи отмечают нелегитимность крупных капиталов в России. В последние годы исследователи фиксируют рост положительного отношения к частной собственности в различных группах населения [10. С. 60].

Таким образом, трехкомпонентная модель формирования гражданской идентичности позволяет выявить состояние гражданской идентичности на субъектном уровне. Как было сказано выше, для формирования гражданской идентичности важна наполненность компонентов, мы видим по результатам массовых опросов, что компонент «Я-рациональное» представлен неполно. Права и обязанности между государством и гражданами не сбалансированы. Граждане не воспринимают это соотношение как реципрокное. Движущая мотивирующая сила гражданских действий – частный интерес свободных индивидов. Для гражданских практик нужна относительная финансовая независимость. У нас в стране она есть только у жи-

телей крупных городов, в целом по России у граждан экономически зависимое положение.

Второй компонент гражданской идентичности «Я-психическое». Имеющиеся данные позволяют сказать, что опрошенные не чувствуют ответственности за страну, осознают свою беспомощность в вопросах влияния на происходящее в стране. За последние годы отмечается незначительный рост показателя «чувство гордости и уважения». Выявление тех или иных чувств – значимый индикатор для проверки полученных данных, для нас чувством, вызывающим значительные опасения, будет чувство безразличия, которое испытывает каждый четвертый опрошенный. Мы фиксируем рост патриотизма, который проявляется в чувстве гордости за страну, но в целом настроение опрошенных довольно пессимистичное.

Резиденты Российской Федерации в своей массе не видят возможности быть частью общественного «тела», т.е. наполнение третьего компонента модели «Я-телесное» блокируется. Формирование гражданской идентичности возможно, когда чувство ответственности через гражданские практики будет формировать чувство сопричастности и возможности влиять на позитивные изменения в социуме. Действия, которые можно определить как гражданские, во-первых, малочисленны, а во-вторых, остаются на уровне общинной помощи: переводе денег для лечения граждан или передаче вещей нуждающимся. Гражданские практики общественного типа не выявляются.

Возможности предложенной модели мы видим в отслеживании состояния предпосылок для формирования гражданской идентичности. Данная модель, на наш взгляд, имеет значительный эвристический потенциал. Спектр применения модели широк: от исследования гражданской идентичности индивида до составления стратификационной структуры населения по критерию состояния гражданской идентичности (в зависимости от того, в какой экономической системе (рыночной, раздаточной и т. п.) живет индивид, наполнение компонентов модели будет различаться).

Сильная сторона модели заключается в ее универсальности, возможности применения и в количественной, и в качественной методологии.

Ограничение этой модели мы видим в самом опыте рассмотрения гражданской идентичности в России, который основывается на западноевропейском теоретическом конструкте гражданского общества. До тех пор пока социологи до конца не ответили на вопрос, возможна ли гражданская идентичность в российском социуме, оправдано ли использование западных теорий?

Мы понимаем, что конструкт западного общества – изначально порождение западноевропейской научной мысли, иного нет. Следовательно, востребована идентификация российского феномена в сфере гражданственности (это может быть уже не гражданская идентичность, а иной конструкт).

Другой момент. На наш взгляд, у нашей страны есть шанс выработать самопроизводимость конструкта гражданского общества и гражданской идентичности при определенных условиях: развитии малого и среднего бизнеса, создании конкурентной среды и ослаблении давления вертикали власти, независимости суда, ослаблении коррупции и т. д.

В настоящее время акторы (движущая сила, по К. Марксу), владеющие частной собственностью, заряженные на отстаивание своих интересов, независимые от государства, отказываются связывать свое будущее с Россией. Они достигают определенного уровня и выводят за рубеж финансы, покупают недвижимость, отправляют своих детей в эмиграцию.

Пойдет ли наша страна по пути преодоления имитационного гражданского общества – точно прогнозировать сложно. Мы пишем эту статью одновременно с процессами, которые идут в стране, а, как показывает исторический опыт, нашей стране свойственны крутые повороты политических, идеологических и экономических сценариев развития.

Литература

1. Дробижева Л.М. Интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе [Электронный ресурс]: Институт социологии РАН. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=882 (дата обращения: 15.05.2016).
2. Гегель Г. Философия истории // Соч. М.; Л., 1935.
3. Wolff R. P. About Philosophy. Prentice Hall, New Jersey, 1976.
4. О состоянии делового климата в России в 2014 году [Электронный ресурс]: Расширенный доклад. Российский союз промышленников и предпринимателей. Москва, Март 2015. – URL: <http://media.rspp.ru/document/1/7/e/7eb03a04fd5b6ed2acdc8aa44305a7ca.pdf> (дата обращения: 12.04.2016).
5. Зигерт Й. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6. [Электронный ресурс]: сайт. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-gossii> (дата обращения: 01.06.2016).
6. Мартышин О.В. Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 5–14.
7. Общественное мнение – 2015. М.: Левада-Центр, 2014. 234 с.
8. Особенности региональных процессов социальной идентификации // Региональные трансформации: социологический мониторинг: Информ. бюл. ЦРСИ СГУ. Вып. 2: Региональные процессы трансформации ценностных ориентаций в ракурсе формирования идентификаций гражданского общества. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. 98 с.
9. Turner J. The experimental social psychology of intergroup behavior // Intergroup Behaviour/Eds J.Turner, H. Giles/ Oxford, 1981. P. 66–101.
10. Мареева С. В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 55–63.

Kravchenko Nadezhda Yu. National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.(Saratov Russian Federation)

THREE-COMPONENT MODEL OF CIVIL IDENTITY'S FORMATION: OPPORTUNITIES AND RESTRICTIONS.

E-mail: kravchenko.n@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 8

Key words: The model civil identity's formation

Triad Model of Civil Identity's Formation: Potentialities and Restrictions.

Abstract. In article the civil identity's status is considered, basing upon mass sociological research data, conducted by the large sociological centers of the Russian Federation. Using an author's design of triad model of civil identity's formation, the author comes to conclusions about it's heuristic potentialities and restrictions. The range of model's application seems to be wide: from research of civil identity of the individual to drawing up stratification structure of the population by criterion of a status.

References

1. Drobizheva, L.M. (n.d.) *Integratsionnye protsessy v polietnicheskom rossiyskom obshchestve* [Integration processes in the multi-ethnic Russian society]. [Online] Available from: http://www.isras.ru/index.php?page_id=882. (Accessed: 15th May 2016).
2. Hegel, G. (1935) *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz.
3. Wolff, R.P. (1976) *About Philosophy*. New Jersey: Prentice Hall.
4. Union of Industrialists and Entrepreneurs. (2015) *O sostoyanii delovogo klimata v Rossii v 2014 godu* [On the business climate in Russia in 2014]. [Online] Available from: <http://media.rspg.ru/document/1/7/e/7eb03a04fd5b6ed2acdc8aa44305a7ca.pdf>. (Accessed: 12th April 2016).
5. Siegert, J. (2005) *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii* [The civil society in Russia]. *Otechestvennye zapiski*. 6. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii>. (Accessed: 1st June 2016).
6. Martyshin, O.V. (2000) Politicheskaya obyazannost' [The political obligation]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 5–14.
7. Zorkaya, N. (ed.) (2016) *Obshchestvennoe mnenie – 2015* [Public Opinion – 2015]. Moscow: Levada-Tsentr.
8. Shakhmatova, N.V. (ed.) (2006) *Regional'nye transformatsii: sotsiologicheskii monitoring* [Regional transformation: Sociological monitoring]. Vol. 2. Saratov: Saratov State University.
9. Turner, J. (1981) The experimental social psychology of intergroup behavior. In: Turner, J. & Giles, H. (eds) *Intergroup Behaviour*. Oxford: Blackwell Publishers. pp. 66–101.
10. Mareeva, S.V. (2015) Tsennostnye orientatsii i predstavleniya srednego klassa o zhe-laemom vektore razvitiya strany [Value orientations and the ideas of the middle class of the de-sired vector of the country's development]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Stud-ies*. 1. pp. 55–63.